

корпорация

российский
учебник

**Подготовка к сочинениям на темы:
«Роль образа автора в художественной ткани
романа в стихах «Евгений Онегин»;
«Евгений Онегин» – энциклопедия русской жизни»;
«Новаторство романа «Евгений Онегин»**

Л. Д. Беднарская, доктор филологических наук,
профессор Орловского государственного университета,
автор компонентов УМК «Русский язык. Углубленный
уровень» под редакцией В. В. Бабайцевой

Новаторская форма первого русского романа

- открывается прямой речью, выражающей мысли главного героя, как бы без автора, и заканчивается прямым обращением автора, находящегося уже вне нарративного текста, к читателю;
- новаторская форма рождена на базе переосмысления романтизма, проникнутого «необычностью», импровизацией;
- импровизация основана на огромном массиве осознанных и освоенных форм и методов

Свободный разговор с читателем

- **Адресация**, когда, выступая в роли автора, говорящий / пишущий контролирует не только полноту информации в своём собственном её понимании, но и коммуникативное самочувствие адресата, в процессе осуществляемого реального или воображаемого диалога с ним.
- **Засвидетельствованность** – область рамочных значений, представляющих собой комплекс указаний на источник сведений. В этом случае говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении другого лица-персонажа или на собственном прошлом опыте.

Свободный разговор с читателем

- **«Чуждость»** – коммуникативная дифференциация на «своё – чужое» как субъектная организация нарратива.
- **Точка зрения** – совмещение в тексте «своего» и «чужого» дискурсов, создающее повествовательную полифонию. В литературном нарративе точка зрения – это позиция наблюдателя (повествователя или персонажа), которая определяет его кругозор и оценку воспринимаемого. Точка зрения связана с отражением в художественном тексте мировосприятия автора, когда «художественное произведение, отражая действительность – объект, выражает и отношение к нему автора и его (автора) существеннейшие особенности».

(Признаки понятия *образ автора* цитируются по монографии: Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива. Липецк, 2001. С. 106-118)

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Учитель может выбрать две линии погружения в стихию романа:

- можно проследить, как перетекает повествование в лирические отступления;
- для сочинения достаточно выбрать одну из сюжетных линий и показать, как она обогащается за счёт лирических отступлений.

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Ассоциативные переходы от сюжетных линий романа к авторской речи осуществляются разными способами, и логическими, и языковыми. Ассоциативные переходы встречаются чаще всего. В воле повествователя отразить событие объективно или субъективно, то есть ограничивая его: «как **я** думаю, как **я** представляю». Прямой переход от сюжетной сцены к собственным воспоминаниям по какому-либо поводу, разностороннее развитие этих воспоминаний используется широко и разносторонне уже **в первой главе.**

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

В строфе XXVIII описывается бал, на который прибыл Онегин.
Дальнейшая ассоциация вызвана строками:

*...Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры...*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Воспоминание о весёлых балах захватывает реального автора: здесь и задорные предостережения почтенным супругам и маменькам (XXIX), и воспоминания о многочисленных прелестных ножках с элегическим развитием темы (XXX-XXXI), и воспоминания о балете (XXXII), то есть о прелестях столичной жизни, которых лишён изгнанник. Последняя строка этой строфы, посвящённой ножке Терпсихоры:

...У моря на граните скал...

вызывает следующий ассоциативный ряд образов «моря пред грозою».

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Строфа XXXIII – воспоминание о буднях и приключениях во время Южной ссылки – и встречи, встречи с «милыми ножками»... Заключает тему строфа XXXIV: *Опять тоска, опять любовь!..* Концовка темы иронична и по отношению к образу автора, и по отношению к «ножкам»:

*Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:
Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы... как ножки их.*

Таким образом, первое лирическое отступление тоже имеет кольцевую композицию, как и сюжетная композиция романа.

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Следующее лирическое отступление в первой главе не нарушает сюжетного нарратива, событийно вписывается в него (XLII - LI) и тоже связано с темой бала, с его парадами светских красавиц.
- Строфы XLIII – XLIV возвращают читателя к главному герою, который, «томясь душевной пустотой», не смог заполнить в отличие от автора свою жизнь творческим трудом. И далее следует обширное лирическое отступление (XLV – LI), непосредственно связанное с характеристикой героя.

*Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлаждённый ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Во второй главе гораздо меньше развёрнутых блоков лирических отступлений, их всего три: XIV, XVIII и заключительные XXXIX - XL. Эти строфы чрезвычайно экспрессивны, как будто чувства и мысли распирают автора, увлёкшегося созданием сюжета, и он не может удержаться от эмоционального комментария.
- Семантические скрепы здесь находятся внутри строф нарративной линии. Переход к первому лирическому отступлению начинается в строфе XIII, когда автор рассказывает о дружбе, противостоящей внешнему окружению, несмотря на противоположности характеров, и делает вывод:

*Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего друзья.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- И далее идёт беспощадное рассуждение о дружбе «от делать нечего» в реальной жизни, а вернее, о невозможности дружбы в среде эгоцентричных существ, полностью замкнутых на себя. И опять автор обращается к Онегину, вступая в русло нарратива:

Сноснее многих был Евгений...

- Ассоциативный переход к лирическому отступлению в строфе XVIII закладывается тоже в предыдущей строфе:

Но чаще занимали страсти

Умы пустынных моих.

Ушед от их мятежной власти,

Онегин говорил о них

С невольным вздохом сожаленья.

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Далее включается автор – лирический герой, солидарный с персонажем, облакая свои рассуждения флёром высокой периодной формы:

*Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь – разлукой,
Вражду – злословием; порой
Зевал с друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварно двойке не вверял.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В строфе XVIII патетическое развитие темы продолжается.
- Периодное строение становится более ярким, это уже не просто повторы однотипных местоименно-соотносительных подлежащих СПП.
- Перед нами классический период в форме СПП с препозитивными однородными временными придаточными предложениями.
- Однако этот патетический строй высвечивает тонкую иронию недавнего безудержного повесы, в котором мятежные страсти не угасли, просто нет обстановки, в которой бы они проявились.
- Точка зрения престарелого обывателя веселит молодого автора:

*Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своевольство иль порывы
И запоздалые отзывы, –
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Последнее лирическое отступление в главе опять начинается в предыдущей XXXVIII строфе как реакция на скорбные размышления Ленского на могиле Дмитрия Ларина.
- Здесь ясно различимы два плана авторской оценки. Одна напрямую связана с сюжетной линией – характеристикой Ленского. Другая – опять скрытно иронична: скорбь «осмнадцатилетнего» поэта поверхностна, умозрительна, «от делать нечего», ненастоящая, как и его поэзия.

*И чьё-нибудь он сердце тронет;
И, сохранённая судьбой,
Быть может, в лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Современный читатель воспринимает обращение, которым заканчивается вторая глава, лично к себе:

*Прими ж мои благодаренья,
Поклонник милых Аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!*

- В третьей главе мы знакомимся с Татьяной.
- Рассказывая о круге её чтения, который формировал её как думающего, осознающего себя человека, автор размышляет в строфах XI-XIV о современной литературе, о литературных течениях.
- Форма ассоциативного перехода та же, что и во второй главе. Выход из сюжетной линии обозначен в строфе X:

*Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

В строфах XIII-XIV молодой поэт формулирует суть нового литературного метода – реализма, который пока живёт только в нём:

*Не муки тайного злодейства
Я грозно в нём изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Второй блок авторских отступлений во второй главе представляет собой антитезу, выстраиваемую как собственные воспоминания о «недоступных» красавицах, так непохожих на Татьяну (XXII-XXVI).
- Эти воспоминания связывают «непроявленный» фон авторского присутствия с первой главой, что ещё более углубляет антитезу, и здесь даётся прямая авторская оценка героини, углубляющая нарративную линию.
- Строфы XXII – XXIII содержат развёрнутый ответ на вопрос лирического «я», которое вступает в прямой диалог с героиней:

Письмо готово, сложено...

Татьяна! для кого ж оно?

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Неординарный поступок Татьяны автор объясняет чрезвычайно эмоционально, подробно, не жалея строк и строф, анализируя себя, недавнего, обманывающегося и страдающего от любви-игры, любви-развлечения, часто жестокого для одной (больше любящей) из сторон.
- В строфе XXIV оправдания героини автором-повествователем достигают апогея, облакаются в катехизическую форму, имитирующую речь трибуна:

*За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В строфе XXV продолжается излияние «непережитых» обид, полученных автором в любовных битвах.
- Письмо Татьяны читает уже автор-повествователь, но комментарии по поводу образованности русского общества, и дам в том числе, идут от лица недифференцированного автора (XXVI-XXXI).
- В строфах перевешивает то автор-повествователь (XXVI), то реальный автор – А.С. Пушкин (XXII-XXX). Обширное лирическое отступление заканчивает автор-повествователь (XXXI).
- Чтение письма он предваряет своей эмоциональной оценкой:

*Кто ей внушил и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный...*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Глава 4 насыщена лирическими отступлениями, они, собственно, и открывают её (I-VIII). Авторская душа должна была раскрыться в семи строфах. Но перед нами одна знаменитая строфа:

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем её вернее губим
Средь обольстительных сетей.*

Горькие и меткие выводы, выстраданные размышления достойны пера Шекспира:

*А что? да так. Я усыплю
Пустые, чёрные мечты;
Я только в скобках замечаю,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке, вралём рождённой
И светской чернью ободрённой,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил стократ ошибкой;
А впрочем он за вас горой:
Он вас так любит... как родной!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Только ли о своей эпохе пишет Пушкин? Только ли враги приблизили роковую дуэль – развязку с жизнью? Трепетное и нежное сердце не выдержало, задохнулось в постоянной, физически ощущаемой поэтом, лжи... Постарались и друзья-завистники... Строфа XII – это крик о помощи:

Кого ж любить? Кому же верить?

Кто не изменит нам один?..

Автор - реальное лицо уже достаточно мудр: *любите самого себя...*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

Конец главы четвёртой содержит больше лирических отступлений, чем сюжетных фрагментов. Строфа XXXI – мостик между сюжетной линией и каскадом взволнованных оценок лирического героя современной ему литературы:

*Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков...*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В строфах XXII-XXXIII ассоциативно лирический герой высказывается об особенностях современного романтизма. Гений всегда впереди, ему скучны повторы, эпигонские перепеванья и «кваканья», он слишком хорошо понимает разницу между собой и собратьями по перу.
- Литературные споры не стали менее острыми вдали от оппонентов, они и сейчас воплощаются в живой диалог.
- В процессе создания романа мысль гения, рождающего новые литературные формы и направления, всё время напряженно смотрит в будущее. В строфы XXXII - XXXIII, составляющие единый тематический блок, вливаются элементы разговорной речи, врывается живой диалог с «критиком строгим»:

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

*Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать
И всё одно и то же квакать,
Жалеть о прежнем, о былом:
Довольно, пойте о другом!» –
«Ты прав и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мёртвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг?» – «Ничуть. Куда!
Пишите оды, господа,*

*Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...» –
«Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не всё ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
«Чужого толка» хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей?» –
«Но всё в элегии ничтожно;
Пустая цель её жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна...» Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу:
Два века ссорить не хочу.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В главе четвёртой автор - лирический герой и автор-повествователь часто сливаются воедино, как в переходах между XXXП и XXXШ строфами. В строфе XXX1У возникает Ленский:

*Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.*

- В строфе XXXVI – XXXVII автор-повествователь, не отделившись ещё от лирического героя, вспоминает об Онегине, но как-то мельком, чувствуется, что сейчас ему важнее не сюжетная линия.
- Строфы XXXVIII- XLIII – это пространные лирические отступления о жизни в деревне, о русских сезонах, о деревенской скуке.
- Строфы XL - XLIII – каждая тематически цельное произведение.

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Глава 4 заканчивается глубокомысленной сентенцией автора – лирического героя.
- По форме это многокомпонентное сложносочинённое предложение с противительными отношениями, создающими антитезу нравственных оценок, где безоглядная искренность противопоставляется расчётливой осторожности:

Стократ блажен, кто предан вере...

Но жалок тот, кто всё предвидит...

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

В главе пятой меньше всего лирических отступлений – она полностью сюжетна. Знаменитый пейзаж I–II строф заключается авторским комментарием:

*Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекают:
Всё это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согреты вдохновенья Богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях;
Но я бороться не намерен
Ни с ним покамест, ни с тобой,
Певец Финляндки молодой!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Глава шестая тоже в основном сюжетна. Лирические отступления помогают разрядить трагическую ситуацию – «примерить» себя к ней (XXXIII-XXXIV, XXXVI-XXXIX).
- В некоторых самых волнующих сюжетных моментах автор - повествователь сливается с лирическим героем, например, в строфе XVIII.

*Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, её любовь
Друзей соединила б вновь!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Убийство свершилось. Несомненно, реальный автор представляет себя в ситуации Онегина-убийцы.
- Строфы XXXШ-XXXIV предельно экспрессивны. Обе они имеют периодное строение, восходящее-нисходящая мелодика углубляет нравственную антитезу.
- Строфа XXXIII включает два усложнённых предложения. Первое из них – бессоюзное с анафорическим повтором предиката *приятно*. Второе предложение, по ведущей связи, сложносочинённое, находится с первым в градационных отношениях: *приятно – ещё приятней*.
- Вывод повзрослевшего и помудревшего автора однозначен:

*...Но отослать его к отцам
Едва ль приятно будет нам.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Строфа XXXIV ещё более экспрессивна, она состоит из одного усложнённого, по ведущей связи сложноподчинённого, предложения и включает разговорные компоненты: начальные частицы **что ж**.
- Экспрессивную мелодику риторического вопроса создают ряды однородных членов придаточного условного предложения, определяющего семантику МСП, а также несколько рядов повторов вопросительных по форме предложений, восполняющих семантическую неполноту глагола-сказуемого *скажите*:

*Что ж, если вашим пистолетом
Сражён приятель молодой,
Нескромным взглядом иль ответом,
Или безделицей иной
Вас оскорбивший за бутылкой,
Иль даже сам в досаде пылкой
Вас гордо вызвавший на бой,
Скажите: вашу душой
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Обобщённо-личное значение строфы относит всё сказанное к любому лицу.
- Здесь опять автор - лирический персонаж, автор-повествователь и автор - реальное лицо сливаются воедино.
- Пафос и раскаянье автора – лирического героя проявляются и в прямом обращении к читателю в строфе XXXVI.
- Иронии здесь нет совсем – это искренняя глубокая скорбь, сожаление о безвозвратности зря потерянной жизни.
- И опять перед нами мудрец, не признающий одномерных, плоских решений нигде и никогда:

*Друзья мои, вам жаль поэта:
Во цвете радостных надежд,
Их не свершив ещё для света,
Чуть из младенческих одежд,
Увял! Где жаркое волненье,
Где благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых?
Где бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И страх порока и стыда,
И вы, заветные мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Строчка – сгусток экспрессивных синтаксических средств: начальные и конечные обращения, организующие её рамку, сгущение обособленных характеризующих членов в первом предложении, переход, меняющий мелодику строчки, три сильно осложнённых однородными членами риторических вопроса. Всё это позволяет достичь максимальной точки переживания, и авторского, и читательского.
- Медитативное рассуждение в строчках XXXУП, XXXVIII, XXXIX представляет две возможные судьбы, два оборвавшихся вектора жизни. Погиб ли «животворящий глас» или будущий обыкновенный помещик - полуживотное, неважно:

*...Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В строфах XL-XLII следует элегическое описание – романтическая стилизация музыки погибшего поэта.
- Эта реминисценция автора-повествователя опять пробуждает к жизни автора – реального поэта, которого *«лета к суровой прозе клонят, лета шалунью-рифму гонят»*, *«другие, хладные мечты, другие, строгие заботы и в шуме света и в тиши тревожат сон моей души»* – зарождается новый этап творчества – этап реализма.
- Начиная со строфы XLIII, до конца главы перед нами опять недифференцированный автор: лирический образ автора сливается с реальным автором.

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

В строфе XLV три перехода и умолчание, передающие максимальное духовное напряжение автора:

*Так, полдень мой настал, **и нужно**
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность лёгкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю **тебя. Тобою**
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! **С ясною душою**
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

По-другому, чем раньше, воспринимается в XXI веке чётко очерченный в строфе XLVI путь к духовной смерти – одна из основных тем классической русской литературы:

*А ты, младое вдохновенье,
Волнуй моё воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоенье света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- Глава седьмая насыщена лирическими отступлениями.
- Она открывается рамочным пейзажем в восприятии автора-повествователя и передаёт течение времени, в рамках которого развивается сюжет, а заодно и эмоциональное состояние автора.
- За этим пейзажем и его эмоциональной оценкой опять ощущается присутствие реального автора:

*Как грустно мне твоё явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжёлым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

В авторских отступлениях «свободный разговор» лирического героя с читателем позволяет использовать разнообразнейшие экспрессивные средства (гл. 6, XLIV):

*Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.
Мечты, мечты! Где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, младость?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял её венец?
Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В главе восьмой образ автора максимально присутствует как автор-персонаж.
- Первые семь строф – об авторе – реальном человеке: воспоминания о Лицее, о первом литературном успехе, о буйных послелицейских годах, об изгнании в Южную ссылку...
- Воспоминания эти окрашены особым светом: внешний их событийный рисунок неразрывно связан с главным в жизни поэта – с жизнью и развитием его творчества, музыки.
- Повзрослевший и помудревший поэт понимает, что является главным в его жизни, и поэтому внешние события воспринимаются им на фоне его тайной силы – творчества. В строфе VI инициатива переходит к автору-повествователю:

*И ныне музу я впервые
На светский раут привожу...*

Работа над сочинением «Образ автора в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»

- В заключительных строфах XL1X – L1 к читателю обращается недифференцированный автор, прощаясь с ним по-русски: «прости» – это ключевое слово XL1X – L строф.
- Читатель – всякий – близок автору уже одним тем, что приобщился к его миру, прикоснулся к самому затаённому, сокровенному, тщательно спрятанному от внешней жизни. Читатель – собеседник на жизненном пути, тот первый встречный, кому изливают исстрадавшуюся душу, кому автор щедро, доверчиво и безоглядно раскрыл тайну своей души. Это противоречивое чувство (*стоило ли?*) отражено в структуре строфы, её организует уступительно-обобщающая семантика – принимаю любого и дарю тебе себя:

*Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. **Чего бы ты** за мной
Здесь **ни** искал в строфах небрежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай Бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крупицу мог найти.
Засим расстанемся, прости!*

Эта строфа превратилась в живое завещание потомкам.

корпорация

российский
учебник

Благодарим за внимание!

Контакты:

+7(903)664-8169

bednarskaya.l.d@mail.ru